

ТАНЯ ТРОТТЕР

Глава 1

МЛАДЕНЕЦ В ФУТЛЯРЕ

Ярким осенним утром, когда всё в мире выглядело пронзительным и до безобразия счастливым, а листва на деревьях сияла, словно была облита сусальным золотом, из подъезда многоэтажного дома на Рублевском шоссе вышел высокий сутулый человек в сером пальто.

Звали его Герман Дурнев, он был директором фирмы «Носки секонд-хенд» и отцом годовалой дочери Пипы (сокращённо от Пенелопы).

Остановившись под козырьком подъезда, Дурнев неодобрительно огляделся. Солнце, чья округлая физиономия была плоской как блин, нежилось на соседней крыше, будто лентяш и соображая, стоит ли ему восхо-

дить дальше или и так сойдёт. На куче листьев недалеко от подъезда полулежала женщина в оранжевом комбинезоне и смотрела в открытый люк. Профиль у неё был правильный, греческих очертаний, а медно-рыжие волосы топорщились так, что невольно заставляли вспомнить о змеях. В люке кто-то бурно возился и громыхал. Надутые воробьи клевали что-то на асфальте, бойко, словно резиновые мячи, отскакивая от прохожих.

Из окон и подвалов, с площадей и куцых скверов, с крон деревьев и неба, увешанного мочалками туч, из кошачьих глаз и из женских сумочек, из выхлопных труб автомобилей, с магазинных ценников и всё ещё обгоревших носов дачников — отовсюду, потирая жёлтые морковные ладони, глядел совсем юный, недавно родившийся октябрь.

Но Герману Дурневу до всей этой красоты не было никакого дела. Погода и вообще природа интересовали его лишь настолько, чтобы определиться, не взять ли с собой зонтик или не пора ли поставить на автомобиль зимнюю резину с шипами.

Он посмотрел на часы и достал коробочку с гомеопатией.

— Хамство какое-то это солнце! Раз, два... И не доплюнешь ведь до него... Хотя бы оно вообще потухло... Разве в такой день у кого-нибудь может быть рабочий настрой? Пять, шесть... Рано или поздно у меня точно будет язва... Или уже есть... Семь... — пробормотал он, отсчитывая шарики и помещая их себе под язык.

Когда шарики рассосались, Дурнев хорошо задумался и сказал себе:

— Ну вот, теперь я точно доживу до обеда, если от нового мозольного пластыря у меня не случится заражения крови.

Разумеется, Дурнев и не подозревал, что за ним наблюдают. Большая отвратительного вида птица — хмурая, взъерошенная, с длинной облезшей шеей, на которой почти не было перьев, наблюдала за ним с козырька подъезда. В клюве птица держала вырезанную из журнала фотографию, с которой смотрел... да, это был он самый — Герман Дурнев, снятый вместе с женой Нинелью и дочерью Пипой на выставке «Международные подтяжки» на ВВЦ.

Изредка птица опускала фотографию на жестяной лист и принималась въедливо сравнивать настоящего Дурнева с фотографией. При этом из клюва на снимок капали отвратительные зеленоватые комки слизи.

Можно себе представить, как поразился бы Дурнев, если бы случайно поднял голову и взглянул, кто сидит на козырьке подъезда. Однако Герман Никитич был не из тех, кто обращает внимание на птиц — если, разумеется, это не варёная курица, лежащая перед ним на тарелке. К тому же в данный момент изворотливый ум руководителя фирмы «Носки секонд-хенд» был занят решением вопроса, как растаможить два вагона использованных носовых платков под видом товаров для детей.

Дурнев спустился с крыльца и, наступив на восхитительно яркий жёлтый лист, несколько раз с явным удовольствием повернулся на каблуке. Сделав это, он уже совершенно равнодушно миновал множество других листьев и сел в новую чёрную машину. Машина

зафырчала и тронулась. Птица с голой шеей тяжело сорвалась с козырька и полетела следом за машиной, явно не собираясь терять её из виду.

* * *

Сидящая на газоне женщина, о которой Дурнев мельком подумал как о ремонтнице, проводила птицу пронзительным взглядом и пробормотала себе под нос:

— Хотела бы я знать, что тут делает Мёртвый Гриф? Последний раз я встречала его, когда спускали на воду «Титаник». Не помню, что там случилось с этим парходом, но наверняка были какие-то неприятности.

Она вскинула руку, на среднем пальце которой было сверкающее кольцо, и негромко шепнула:

— *Искрис фронтис!*

В тот же миг из кольца вырвалась зелёная искра и опалила птице крыло. Теряя перья, Мёртвый Гриф камнем рухнул на асфальт, что-то хрипло прокричал и, снова взлетев, метнулся за ближайший дом.

Загадочная особа подула на раскалившееся кольцо.

— Ненавижу этих живых мертвецов. Их невозможно убить во второй раз. Лучше уж иметь дело просто с нежитью, — проворчала она.

Тем временем в люке снова что-то со страшным грохотом обрушилось. Плеснула вода.

— А-апчч! — донеслось из люка так оглушительно, что крышка даже подскочила.

Забыв о птице, ремонтница — если, разумеется, это была ремонтница — озабоченно склонилась над люком:

— Академик, вы простудитесь! Умоляю, наденьте хотя бы шарф!

— Медузия, не чуди! Водолазам шарф не поможет! — немедленно отозвался голос.

Но женщину это ничуть не успокоило.

— Клянусь волосом Древнира, это ни в какие ворота не лезет! Представить только, сам академик белой магии, глава школы волшебства Тибидохс, Сарданапал Черноморов вынужден снимать простейшие заклятия нежити! Где, позвольте спросить, наши младшие волшебники, где ассистенты? — строго поджав губы, спросила она.

Громыхания в люке прекратились. На поверхность поднялся маленький румяный толстячок, одетый в оранжевую спецовку, с которой стекала вода... Нет, простите, совсем не в спецовку, а в мантию. Спецовкой она могла показаться только не очень внимательному наблюдателю, и то на первый взгляд. Точно такая же оранжевая мантия была и на его спутнице.

— А-апчч!.. Медузия! Всё это, право, такая ерунда, что не стоит никого утруждать!.. А-апчч! Без практики я в два года стал бы беспомощным кабинетным магом. Мало ли среди нас лентяев, которые и в свинью не могут превратиться без кольца? Не говоря уж о высших дисциплинах, таких как теоретическая магия, левитация, защита от сглаза или изготовление талисманов.

Приведя этот убийственный, на его взгляд, довод, академик Сарданапал приподнялся на цыпочки и жизнерадостно огляделся. Правый ус у него был зелёным, а левый жёлтым. Но самым странным было даже не это, а то, что усы ни секунды не пребывали в состо-

янии покоя. Они то извивались, как две живые верёвки, то сплетались, то норовили обвить дужки очков и сдёрнуть их у толстячка с носа. Правда, сделать это было не так-то просто, поскольку очки явно держались не столько на дужках, давно разболтавшихся, сколько на особом заклинании.

Что касается бороды академика, то цвет её был вообще неопределим, поскольку она то появлялась, то исчезала. Наверняка можно было сказать только одно — борода была феноменально длинной, настолько длинной, что её пришлось многократно обмотать вокруг туловища, а конец спрятать в карман.

Заметив наконец, что его мантия промокла, глава школы волшебства пробормотал:

— *Первачус барабанус!*

От одежды повалил пар, и уже несколько мгновений спустя она совершенно высохла.

— Ах, какой чудный осенний денёк! — воскликнул Сарданапал, поворачиваясь к своей спутнице. — Он похож на тот день, когда мне впервые отрубили голову! Ты согласна со мной, Медузия?

Преподавательница нежителиведения доцент Медузия Горгонова, поморщившись, провела пальцами по своей шее.

— Уф! От лопухоидов можно ждать только гадостей... Мне тоже отрубили голову. Невоздержанный тип в крылатых сандалиях, пялившийся в собственный щит. Тогда я была дурно воспитанной колдуньей с кошмарными привычками, и только вы, академик, меня перевоспитали, — сказала она.

Усы Сарданапала польщенно дрогнули.

— Перестань, сколько раз можно благодарить! Приклеить тебе голову было сущим пустяком! Для этого не пришлось даже прибегать к серьёзной магии, вполне хватило простенького штопочного заклинания. Ну а то, что ты отказалась от прежних привычек, — честь тебе и хвала! Моя заслуга была... кгхм... минимальной... кгхм...

— Как вы можете так говорить! — воскликнула Медузия. — Я же превращала путников в изваяния! Любый, кто смотрел на меня, мгновенно становился камнем!

— Ерунда, не вспоминай об этом! Ты была совсем молоденькой девчонкой, комплексующей из-за прыщей, вот и заколдовывала тех бедолаг, которые тебя случайно увидели. Откровенно говоря, я тебя прекрасно понимаю: эти древние греки всюду совали свой любопытный нос. Ты даже на остров удалилась подальше от их глаз, а они всё равно шлялись поблизости, размахивая мечами. Всё, что мне потребовалось, это вылечить тебя от прыщей. И какой красавицей стала! Даже Бессмертник Кошечев и тот постоянно краснеет, когда прилетает в Тибидохс на скелете своего верного коня...

— Скверный старикашка! Сорок килограммов посеребрённых костей, золотая черепушка, янтарные зубы — и всё это в латах от Пако Гробанн! — нахмурилась Медузия.

— Но ты не будешь спорить, что он в тебя влюблён! Доцент Горгонова смущённо зарделась. Красные пятна, вспыхнувшие вдруг в разных местах на её щеках, чем-то походили на вишни.

— Сарданапал! Я же просила! — укоризненно воскликнула она.

Усы академика белой магии виновато дрогнули.

— Проклятое ехидство! После того как я случайно выпил настойку с ядом гарпий, никак не могу от него избавиться. Пробовал и печень дракона, и полстакана зелёнки с каплей жёлчи василиска утром и перед сном — ничего не помогает! — пожаловался он.

— Не извиняйтесь, я не обиделась. Просто не люблю, когда при мне произносят это имя... — смягчилась Медузия. — Скажите лучше вот что: неужели мы с вами тащились сюда из самого Тибидохса затем только, чтобы расколдовать этот занюханный люк, который вытягивает у прохожих ключи и монетки? Только не лукавьте. Мы же знаем друг друга уже три тысячи лет...

Сарданапал укоризненно посмотрел на свою спутницу и высморкался в гигантский платок со звёздами, который загадочным образом возник вдруг у него в руке. Звёзды на платке перемигивались и складывались в причудливые созвездия, причём созвездие Жертвенника пыталось обчихать созвездие Стрельца метеоритами.

— Медузия, ты рассуждаешь как волшебница. Поставь себя на место обычного человека. Ключи — это не дребедень. Человек, лишившийся ключей, имеет реальный шанс заночевать на лавочке и подхватить насморк... Вот как я, например.

— Ваш насморк оттого, что вы не надели шарф, когда мы летели над океаном... А нужды лопухоидов меня волнуют очень мало. В их мире полно заколдованных люков, взбесившихся турникетов и самозахлопывающихся подвалов. Нежить не сидит сложа руки.

Едва мы уйдём, на этот люк вновь наложат заклятие. И мы ничего не сможем с этим поделать.

Видя, что его спутница начинает сердиться, академик Сарданапал легонько подул на платок, и тот растаял у него в ладони, предварительно превратившись в синюю мочалку.

— Прости, Медузия. С недавних пор я подозреваю, что моё чувство юмора тоже кто-то заколдовал. Не исключаю, что его глазили таджикские джинны, которым я запретил устраивать пыльные бури... М-м... Ты видела человека, который только что вышел из подъезда?

— Видела. Но каким образом вы сумели? Я хочу сказать, вы же были под землёй!

Сарданапал загадочно улыбнулся:

— О, если я захочу что-то увидеть, несколько метров асфальта мне не помешают. И что ты о нём думаешь?

— Крайне неприятный тип... Бр-р... Даже от лопухоида обычно ожидаешь большего.

— Ну-ну, Медузия, не будь такой суровой. Хотя бы из уважения к памяти Леопольда Гроттера.

— ЛЕОПОЛЬДА ГРОТТЕРА?! Он его знал? — поражённо воскликнула Медузия.

Сарданапал кивнул:

— Более чем. Он его родственник. И даже довольно близкий — всего-навсего троюродный племянник сестры его бабушки. Разумеется, для лопухоидов такое родство — седьмая вода на киселе, но мы-то с тобой знаем формулу магородства Астрокактуса Параноидального!

— Он родственник Гроттера! Так вот почему мы...

— Тшш! — Академик внезапно поднёс палец к губам, приказывая Медузии замолчать. Оба его уса разом напряжинились и указали на канализационный люк.

Кивнув, Медузия бесшумно подкралась к люку и, присев на корточки, резко просунула туда руку. В ту же секунду из колодца послышался противный визг.

— Есть! Схватила! А ну стой! — крикнула преподавательница нежитеведения.

Когда рука Медузии вновь показалась на поверхности, её пальцы крепко вцепились в ухо маленькой дамочки с бугристым фиолетовым носом и зелёными волосами. Ступни у шипящей дамочки были пре-
странные — плоские и весьма смахивающие на ласты. Пленница шипела, плевалась, щёлкала треугольными зубами и пыталась лягнуть Горгонову то правой ластой, то левой, а то и обеими поочерёдно.

— *Убьюга на местюга! А ну отпущуги, кому говорюги! Напустюги заклююги! Тьфуги на тыги! И на тыги тьфуги!* — яростно выкрикивала она.

— Ишь ты — кикиморка! Любопытный экземплярчик, довольно крупный... — с интересом разглядывая пойманную Медузией дичь, прокомментировал Черноморов.

— Опять эта нежить! — брезгливо поморщилась Медузия. — Порой я начинаю сомневаться, что Та-Кого-Нет действительно исчезла. То кто-то подослал Мёртвого Грифа, а теперь вот это страшилище... А ну не трепыхайся!

— *А-а-а! Сама страшилюга! Отпущуги, сволочуги! Моя свои делуги проходуги! Нужнуги вы*

мнуги, рвануги штануги! Тьфуги на тыги! — визжала кикиморка, не оставляя попыток пнуть Медузию ластой. Той приходилось удерживать её на расстоянии вытянутой руки, что было непросто, так как кикиморка была довольно упитанная.

— Перестань голосить! Кто тебя подослал? Говори! — строго потребовала Медузия.

— *Ничевуги не скажуги! Глупуга ведьмуга! Сейчас как сделугу тебе проклянугу! Сыграешь в гробугу!* — гневно пропищала кикиморка, пытаясь сопроводить свои слова прицельным плевком.

Горгонова сурово зыркнула на кикиморку своими пронзительными глазами.

— Попробуй! — сказала она с угрозой.

— *Очнюга ты мне нужнуга!* — мгновенно передумала хитрая кикиморка и жалобно зашепелявила, что она несчастная сирота и что её, сироту, всякий может обидеть.

— Ага, обидишь тебя, сиротинушку! — хмыкнул Сарданапал. Академик сделал вид, что хочет поднести палец ко рту кикиморки, и тотчас её острые треугольные зубы щёлкнули точно капкан. Не отдёрни Сарданапал руку, у него стало бы одним пальцем меньше.

— Она ничего не расскажет. Я знаю этот народец. А что она не по своим делам тут шастала, так это точно. Может, заспиртуем её для музея, чтобы никому не проболталась? — предложила преподавательница нежителиведения, энергично встряхивая кикиморку за ухо.

— *А-а-а-а-а! Не хочуга в спиртуга! Я буду молчуга! Буду самая тихая тихуга!* — пронзительно заорала кикиморка.

— Не стоит, Медузия. Помещать её в банку совершенно необязательно. Я сделаю так, что она всё забудет. — С ловкостью, которой сложно было ожидать от неповоротливого флегматика с круглым брюшком, Сарданапал схватил кикиморку за ласту и, подув ей в ухо, вполголоса произнёс:

— *Склеротикус маразматикус! Полниссимо дебилиссимо!*

После этого он хладнокровно разжал пальцы, уронив шпионку в траву. Некоторое время зелёная дамочка очумело трясла головой, явно находясь в сильном замешательстве. На Сарданапала и Медузию она смотрела тупо и без любопытства. Сделав несколько заплетающихся шагов по газону, кикиморка слегка опомнилась, презрительно фыркнула и, вразвалку подойдя к люку, прыгнула туда солдатиком. Из люка выбрызнул небольшой фонтанчик воды, раздалось несколько нехороших слов — и всё стихло.

— Уплыла, — сказал Сарданапал, указывая зелёным усом направление.

— Ужасно надоела вся эта нежить. Давно пора наложить на неё заклятие, чтобы не совалась к лопухоидам. Однажды она нарушит равновесие сил, и тогда нам всем придётся плохо. — Медузия озабоченно прищёлкнула языком.

Сарданапал легкомысленно отмахнулся:

— Ерунда, Медузия. Ты, как всегда, преувеличиваешь. Нежить — это бестолковая сила, возникшая из хаоса и частично сохранившаяся со времён язычества. Да, нежити много, в десятки раз больше, чем нас, магов — белых и чёрных, но она никогда не была в со-

стоянии договориться между собой. Сколько я себя помню, нежить всегда нарушала запреты, устраивала лопухоидам пакости и расшатывала равновесие. Но пока цел волос Древнира и стоят Ворота, нашему миру ничто не угрожает. Даже со стороны тёмных магов, которых мы никак не выкурим из Тибидохса.

— А как же Та-Кого-Нет?

— Согласен, она была единственной, кто сумел организовать нежить и натравить её на нас. Более того, ей почти удалось заставить нас, магов, сдать ей свои позиции. Если бы не Леопольд Гроттер и его новорождённая дочь...

— Не только Гроттер. Вы никогда не боялись её, академик! Даже когда она была в силе!

Сарданапал застенчиво порозовел:

— О, разумеется! Я всегда готов произнести во всеуслышание её истинное имя — Чума-дель-Торт! Видите? ЧУМА-ДЕЛЬ-ТОРТ! И ничего страшного!

Не успел зычный голос академика замереть в сдвинутом лабиринте многоэтажек, как стекло лоджии на третьем этаже брызнуло осколками и оттуда, подхлёстывая себя шнуром, вылетел поблёскивающий утюг. Со свистом рассекая воздух, он понёсся точно Сарданапалу в голову. Подобрал полы мантии, академик резво отпрыгнул и что-то пробормотал. В тот же миг утюг обратился в пар.

— Видели? Та-Кого-Нет хотела вас убить! — испуганно воскликнула Медузия.

— Пустяки. Самой тётки Чумы уже нет... Просто работало одно из старых заклинаний. Она их тысячами повсюду разбрасывала. — Сарданапал улыбнулся

и наступил на уцелевшую вилку, попытавшуюся обвить его ногу своим шнуром.

Медузия передёрнулась от омерзения. В её тонкой руке неведомым образом возник лорнет, в который она разглядывала части уничтоженного утюга.

— Какая мерзость! Очередное гадкое изобретение лопухоидов... Идёмте отсюда! Здесь нам больше делать нечего.

Черноморов покачал головой:

— А вот тут ты ошибаешься. Пришла пора выполнить самую неприятную и тяжёлую часть нашей миссии. Я начал об этом говорить, но нам помешали. Мы должны... как это нам ни тяжело... оставить Таню человеку, которого вы недавно видели.

Медузия Горгонова отпрянула. Её медно-рыжие волосы, и без того растрёпанные, встали вдруг дыбом и зашипели. Случайный человек, не знавший, что Медузия давно завязала со своим прошлым, мог бы поклясться, что только что видел клубок извивающихся змей.

— КАК?! Я не ослышалась? Вы хотите отдать дочь Леопольда Гроттера этому жалкому лопухоиду? Девочку, неведомым образом уцелевшую в схватке с Той-Кого-Нет? Девочку, после встречи с которой Та-Кого-Нет пропала?

Уловив в голосе Медузии гневные нотки, академик торопливо отвернулся, чтобы случайно не взглянуть ей в глаза. Отвести древнюю магию можно, но она имеет побочные действия.

— Медузия, у нас нет другого выхода, — сказал он мягко. — Мы просто не можем поступить иначе.

Клянусь волосом Древнира, я скорее позволил бы сбрить себе усы и обкорнать бороду, чем отдал бы дочь Гроттера этому лопухоиду, но... мы должны, мы просто обязаны сделать это для блага всего Тибидохса.

— Но почему?! — воскликнула Медузия. — Почему?

Величайший из магов опустился на кучу листьев и вытянул ноги в старомодных вылинявших чулках. Последний раз он был в человеческом мире во времена Екатерины II и теперь, постаравшись одеться по моде, малость промахнулся.

— Я расскажу тебе, как всё было той ночью. Ты помнишь, три дня назад, когда всё случилось, разразилась ужасная гроза...

— ...явно магического происхождения. Мы даже не знаем толком, кто её наслал, — добавила Медузия.

— Именно. В ту ночь ко мне в окно главной башни Тибидохса, где, как ты знаешь, расположена моя алхимическая лаборатория, влетел насквозь мокрый, дрожащий купидончик в красных подтяжках... — сообщил Сарданапал.

Его усы немедленно сложились в два сердечка. Им нравилось слегка насолить хозяину. Скрывая улыбку, доцент Горгонова облизнула губы.

— Купидон? К вам? Но ведь купидон — это амур, а амур...

Усы обиженно встопорщились. Правый попытался даже щёлкнуть Медузию по носу, но не достал.

— Мне не надо объяснять, кто такие купидоны, — сухо произнёс Сарданапал. — Я не спутаю их ни с гарпиями, ни с домовыми, ни с членами команды Тибидохса.

дохса по драконболу. Да будет тебе известно, цель его визита была далека от романтической. В наш скучный век в любви все чаще объясняются по телефону. Стрелы амура уже больше никого не прошибают — кожа стала больно толстой, вот беднякам купидонам и приходится заниматься разноской почты. Должны же они как-то зарабатывать себе на нектар и амброзию? Так вот, купидончик выжал свои мокрые подтяжки и вручил мне письмо от Леопольда Гроттера.

— Последнее письмо Гроттера! — воскликнула Медузия. Её ирония мгновенно улетучилась. — Но вы же никогда никому...

Усы Сарданапала заметались со скоростью автомобильных дворников, показывая, что это строжайший секрет.

— Разумеется, никому. И ты скоро поймёшь почему. Правду должны знать лишь те, кому я абсолютно верю. Я отправил купидончика согреться в русскую баньку — признаться, я даже рад, что циклопы устроили её у нас в подвале (хотя когда-нибудь их парная, безусловно, рванёт), — а сам немедленно стал читать письмо. Оно было очень лаконичным: Гроттер сообщал, что после множества неудач ему удалось наконец получить Талисман Четырёх Стихий.

Зрачки у Медузии сузились. Она тревожно оглянулась на люк, проверяя, не лезет ли из него любопытная бугристая физиономия.

— Скорее всего, я сошла с ума, — ошеломлённо пробормотала она. — Талисман Четырёх Стихий, заключающий в себе силы огня, воздуха, земли и воды! Талисман, дающий тому, кто его носит, огромную

силу... Пожалуй, тот, кто владеет талисманом, мог бы бросить вызов самой... Той-Кого...

— Да, Чуме-дель-Торт, — отважно уточнил Сарданапал, невольно взглядывая наверх: не просвистит ли ещё один утюг. — Гроттер писал: чтобы получить талисман, он использовал сто сорок семь разных составляющих, среди которых, как я полагаю, обязательно должны были присутствовать сердолик и мышинные слёзы... Ну а тайну всего остального он унёс с собой в могилу...

— А его талисман? Он у вас? — взволнованно спросила Медузия.

— Талисман пропал. Исчез самым невероятным образом. Но ты не дослушала... Едва дождавшись окончания грозы, я сел на реактивный диван и полетел к Леопольду Гроттеру.

— Вы полетели на реактивном диване?

Черноморов смутился. Впрочем, нельзя сказать, чтобы очень.

— Да, я понимаю, что ты хочешь сказать: кто-то из учеников, особенно из чёрных, мог меня увидеть и поднять на смех. Ещё бы: академик, лауреат премии Волшебных Подтяжек, глава легендарного Тибидохса летит на драном диване с ошипанными куриными крыльшками... Диване, из которого торчат медные пружины... Было уже поздно, и меня никто не видел... Да и откуда? Разве кто-то стал бы выглядывать в окно, услышав всего-навсего небольшой грохот... М-м... Я почти даже и не врезался в витраж Зала Двух Стихий, а если стекло и осыпалось, то от времени... Всё-таки ему было семьсот лет...

«Кошмар! А я думала, что витраж разбило молнией!» — подумала Медузия.

— Вначале я хотел воспользоваться ковром-самолётом, но отправляться на ковре в такую сырость было бы транжирством: его погрызла бы моль. И потом, реактивный диван почти в полтора раза быстрее... Ну а про сапоги-скороходы я вообще не говорю. С тех пор как их сглазили, точность приземления у них почти двадцать вёрст... О, конечно, я мог бы взять швабру с пропеллером или летающий пылесос, но вы отлично знаете, что они неудобны. Во время долгих перелётов на них затекает спина, а отсутствие багажника мешает захватить с собой даже самый мало-мальский груз.

Преподавательница нежитиеведения тихонько вздохнула. К чудачествам академика Сарданапала в Тибидохсе давно уже привыкли. Он вполне мог, перепутав эпохи, заявиться на занятия в римской тоге или воспламенить по ошибке чью-нибудь ушную серу, перепутав её с серой химической. А что стоит тот случай с гостем с Лысой горы, когда академик погрузил его в трехмесячный сон, прочитав ему случайно вместо приветственной речи заклинание зимней спячки сусликов? Но что ни говори, а всё же он был величайшим волшебником после Древнира.

— Ты слушаешь меня, Медузия? По-моему, ты отвлеклась! — Академик укоризненно взглянул на свою спутницу, а та, встревожившись, запоздало сообразила, что забыла защитить свои мысли охранным заклинанием.

Когда имеешь дело с могучим магом, нельзя упускать из внимания никаких мелочей.

— Итак, я летел к Леопольду, — продолжал Сарданапал. — Ветер был попутный, так что на дорогу ушло не более трёх часов. Ещё не добравшись до места, я обнаружил, что вокруг его дома во множестве толпится нежить. Вела она себя престранно — бормотала что-то, пыхтела, ходила кругами и вообще была какая-то пришибленная. Заметив меня, нежить за считанные минуты рассосалась. Вы же знаете этих существ: то их много, то вдруг разом никого нет...

— И никто даже не попытался напасть? — удивилась Медузия.

— Абсолютно. Я глазам своим не поверил. Столько нежити в одном месте могла собрать только Чумадель-Торт, но она бы уж точно не упустила шанса свести со мной счёты. Вот загадка — ещё совсем недавно нежить готова была разорвать нас в клочья, а теперь мы для неё словно не существуем... Занялась своими мелкими дрязгами.

— И тогда вы догадались, что Та-Кого-Нет исчезла?

— Ну не совсем ещё догадался, но уже задумался. Я подошёл к дому Леопольда, постучал — в ответ ни звука. Тогда я толкнул дверь, и она открылась. Даже не открылась, а просто упала от одного прикосновения. В доме всё было перевернуто вверх дном. Внутренние стены обрушились, перила обуглились, от мебели остались лишь щепки. Похоже, кто-то, наделённый чудовищной магической силой, произнёс заклинание полного уничтожения. Я кинулся в лабораторию. Она пострадала больше всего. Даже гранитный валун, служивший Леопольду столом для опытов, осыпался в порошок, едва я к нему прикоснулся... — Голос Сардана-

пала дрогнул. — Гроттер и его жена Софья... им уже никак нельзя было помочь. Даже я не мог, хотя, как вы знаете, Медузия, я слегка соображаю в магии. Но вот чудо — посреди лаборатории, на выщербленном заклинаниями полу, среди осыпавшейся штукатурки лежал футляр от контрабаса, а в нём — крошечная девочка, их дочь... Мы же хорошо знали Гроттеров, Медузия. Они были люди искусства, маги высоких материй. Волшебство и музыка — вот ради чего они жили. Для ребёнка у них не было даже коляски, они вполне обходились футляром от контрабаса. Испугавшись, что девочка тоже мертва, я наклонился над футляром, и — о чудо! — она безмятежно спала, а в ладони у неё был зажат серебряный скорпион Чумы-дель-Торт...

Медузия резко выпрямилась. Медно-рыжие волосы вновь зашипели змеями.

— Как? Тот самый скорпион-убийца, которого Та-Кого-Нет подсылала жалить своих жертв, когда хотела насладиться их мучениями?

— Да. Но девочке он не смог повредить, хотя на кончике носа у неё я заметил два красных пятнышка. Похоже, скорпион ужалил её прямо в родинку. Даже лёгкого укуса обычно хватало, чтобы убить взрослого волшебника... А она, эта малютка, его попросту раздавила. Годовалая девочка управилась с серебряным скорпионом, даже не проснувшись.

— Всё-таки невероятно, что она выжила. А если скорпион изжил свой яд? Или использовал его раньше? — с недоверием спросила Горгонова.

— Нет, яда было достаточно. А старых скорпионов Чума-дель-Торт не держала. Но даже если за-

быть о скорпионе, остаётся другое: заклинание полного уничтожения — эта грозная белая вспышка, которая выжигает всё кругом, — также не смогло причинить Тане никакого вреда. А ведь этот вид магии не из тех, что направляют выборочно. Он разносит всё и всех, кто окажется поблизости, за исключением того, кто произнёс заклинание.

По щеке Медузии прокатилась слеза и упала на кучу кленовых листьев. Листья задымились. Неизвестный народный сказитель, впервые назвавший женские слёзы горячими, похоже, был знаком с кем-то из волшебниц.

— Несчастные Гроттеры! А что же Талисман Четырёх Стихий? — всхлинула Медузия.

— Я так и не сумел его обнаружить, — сказал Сарданапал. — Его не было ни у Леопольда, ни у его жены Софьи, ни у ребёнка... Не было нигде в доме. Скорее всего он был уничтожен заклинанием вместе со всеми остальными изобретениями Гроттера. Вначале я, правда, подозревал, что его унесла Чума-дель-Торт, но, если бы это случилось, мы бы уже об этом знали. Нет, она точно исчезла, и странное поведение нежити — тому лучшее подтверждение. Не знаю, что случилось в доме Гроттеров, но эта крохотная девочка сделала то, чего не смог сделать ни один волшебник... Она остановила Ту-Кого-Нет...

Только теперь обнаружив горящие листья у себя под ногами, Медузия произнесла короткое заклинание, сопроводив его знаком, который её магическое кольцо начертало прямо по воздуху. Огонь погас. Начертанный Медузией знак ещё некоторое время, слабо коле-

блясь, висел в воздухе. Горгонова раздражённо стёрла его ладонью.

— Но почему вы хотите отдать девочку Дурневу? Зачем посылать её в мир к лопухоидам? Что нам стоит вырастить её в Тибидохсе? — с досадой спросила она.

— Медузия, ты забыла, что за место Тибидохс? Уж кому-кому, а ребёнку там делать совершенно нечего. Только представь себе: Тибидохс — и вдруг ребёнок! А если выплывет Безглазый Ужас? Или, скажем, Пельменник упустит своё Гробовое Покрывало, и оно, как в прошлый раз, будет подкарауливать припозднившихся учеников на тёмных лестницах? А циклопы, буйствующие каждое полнолуние? А Раздирало, которого, кстати, ты совершенно напрасно вытащила из раскалённой пещеры в сердцевине Земли, где он был заточён.

— Он обещал, что бросит все свои привычки и будет у нас привратником. Вы же сами знаете, что на циклопов сложно положиться. У этих тупиц голова как сито, — оправдываясь, сказала Медузия. — А потом... ну вы сами знаете, что потом...

— Вот именно... По коридорам Тибидохса ходит невидимый Раздирало, воеет, хрипит и творит что придётся, а мы даже не можем его поймать, потому что он может отразиться только в Зеркале Судеб, но туда-то он и носа не показывает! — сердито крикнул Сарданапал. — И ты хочешь, чтобы я отдал в Тибидохс дочь Гроттера?

— Но я могу наложить охранные заклятия! Мощнейшие охранные заклятия, через которые не перешагнут ни Раздирало, ни Карачун, ни Деревянная Баба,

ни Безглазый Ужас. А пустая Инвалидная Коляска и летающее Гробовое Покрывало — это же вообще мелочи. Они способны причинить вред только новичку, не знающему отгоняющего заклинания... — с презрением сказала Медузия.

— А новорождённая девочка, по-твоему, способна его произнести?

— Нет, не способна. Но, Сарданапал, мы же можем наконец испугать её в Отводящей Ванне, и тогда...

Академик белой магии перебил её:

— Да, согласен. Можем. Гробовое Покрывало — это мелочь. Коляска — тоже. Замораживающие Капканы и Статуи-душители тоже, пожалуй, ерунда. А Безымянный Подвал? Ну а Исчезающий Этаж — тоже мелочь? Мы до сих пор не знаем, что стало с теми двумя балбесами, которых угораздило туда пробраться. И наконец, что ты скажешь о Жутких Воротах?

Медузия вздрогнула.

— Вы правы, Сарданапал, — сказала она убито. — О Безымянном Подвале и о Жутких Воротах я не вспомнила... Но это же дочь Гроттера! Девочка, которая сумела пережить встречу с Той-Кого-Нет и выдержать...

Академик перебил её:

— Мы не знаем, как ей это удалось, но знаем, чего это стоило Леопольду и Софье. И снова подвергать девочку опасности... Кроме этого... — тут Сарданапал сделал длинную паузу, — существует ещё одна причина... Крайне важная, по которой Таня никак не может находиться в Тибидохсе. Во всяком случае, как можно дольше не должна там появиться...

— Какая причина?! — горячо воскликнула Медузия.

Сарданапал укоризненно посмотрел на неё:

— Пока я не могу тебе рассказать, хотя доверяю тебе больше, чем кому-либо. Но это та самая причина, по которой Гроттер не остался жить в Тибидохсе, а увёз Софью и ребёнка в такую глушь, где, кроме болотных кикимор, оборотней и нежити, никого и не встретишь. И это Гроттер — с его столичным образованием, прекрасными манерами и привычкой к ежедневному музицированию. Понимаешь, Медузия?

Доцент Горгонова уныло кивнула, осознав, что причина, загнавшая Гроттера в глушь и заставившая его покинуть Тибидохс в расцвете карьеры, должна была быть очень весомой.

— Итак, решено... Сегодня же ночью мы вернёмся сюда с ребёнком и подбросим его Герману Дурневу и его жене. Не может быть, чтобы вид бедной сироты не тронул их сердцец... Пускай воспитывают вместе со своей собственной дочерью. Девочки ровесницы, им будет веселее вместе. Идём, Медузия. Нам пора! А-а-а-апчч! — Внезапно академик чихнул так оглушительно, что с его платка разом сдуло все созвездия, а телефонная будка, стоявшая у дома, с грохотом завалилась набок.

— Я же говорила: вы простудитесь! — укоризненно сказала Медузия.

— Ерунда! — рассердился Сарданапал. — Перестань следить за моим здоровьем! Тот, кому три раза отрубали голову, может не страшиться банальных насморк... Пччч!

Академик белой магии запахнулся в оранжевую мантию и, решительно наступая себе на бороду, направился мимо домов к небольшому скверу. Его беспокойные усы делали отмашку в такт шагам: раз-два, раз-два. Медузия направилась за ним.

Множество прохожих, наполнявших в тот час улицу и спешивших по своим делам, обращали на них очень мало внимания. Да и что должно было привлечь их любопытство, когда они видели лишь косматую дворнягу и чуть поодаль тонкую изящную борзую с длинной мордой? Для опытных волшебников не составляло труда сострять парочку отводящих заклинаний.

Сделав шагов тридцать, академик Сарданапал неловко подпрыгнул, прищёлкнул в воздухе коленками и, буркнув заклинание, растворился в воздухе. Медузия в отличие от своего учителя не обладала способностью к мгновенным исчезновениям из человеческого мира. Она дошла до сквера и извлекла из кустарника детскую лошадку-качалку, расписанную хохломскими узорами. Проверив, на месте ли все двенадцать талисманов, без которых лошадка попросту не взлетела бы, она с трудом взгромоздилась на неё и, круто взмыв, исчезла в кучевых облаках.

Любопытно было то, что даже на смешной детской лошадке доцент Горгонова ухитрилась выглядеть величественно и смотреть перед собой коршуном. Попадись ей где-нибудь на пути Мёртвый Гриф, бедняге не поздоровилось бы. Впрочем, он и так был уже мёртв, так что особенно терять ему было нечего.

Солнце лениво зевнуло и поднялось с крыш. Необычный день продолжался.

* * *

У Германа Дурнева было сто семнадцать плохих настроений. Если первое настроение можно было охарактеризовать как слегка плохое, то последнее, сто семнадцатое, равнялось хорошему восьмибальному шторму. Именно в этом сто семнадцатом скверном настроении руководитель фирмы «Носки секонд-хенд» и возвращался в тот день домой. В дороге ему постоянно мерещилось, что другие машины движутся слишком медленно, и он то и дело начинал стучать ладонью по гудку.

При этом дважды ему мерещилось, что звук гудка слишком тихий, и тогда, высовывая голову из окна машины, он орал:

— Эй, чего тащитесь?! Объезжай его, объезжай! Мне что, выйти и накостылять? До инфаркта хотите довести больного человека?!

Больным человеком Дурнев, разумеется, считал себя.

Основной причиной, по которой настроение Германа Никитича так резко испортилось, было ощущение, что его преследуют и над ним потешаются какие-то странные и таинственные силы. Всё началось с самого утра, когда он только отправился на работу. Ещё по дороге в багажнике машины что-то начало сильно гроыхать, так сильно, что машина даже подскакивала, а когда он вышел посмотреть, то оказалось, что в багажнике ничего нет. Когда же Дурнев вернулся за руль, то обнаружил, что к лобовому стеклу автомобиля приклеился его собственный портрет из журнала. Причём выглядело это так, будто размокшую в луже страницу бросило на стекло ветром...

Директор так переволновался, что, когда отди-
рал свой портрет, пальцы его дрожали и он нечаян-
но оторвал от фотографии часть своей головы вместе
с ухом. Усмотрев в этом скверное для себя предзна-
менование, Герман Никитич проглотил сразу тридцать
таблеток «Успокоя» и запил их пузырьком валерья-
нки.

Когда же он всё-таки прибыл в офис, то обнару-
жил, что мусорная корзина в его кабинете перевёр-
нута, а весь мусор из неё бесцеремонно вытряхнут на
ковёр. И не просто вытряхнут, но и пропитан чем-то
вонючим. Рассвирепевший Дурнев немедленно уволил
уборщицу, хотя та и клялась, что ещё не заходила в его
кабинет.

Открыв же сейф, чтобы взять печать, он узрел там
бледный гриб на тонкой ножке, который, когда Герман
Никитич протянул к нему руку, растёкся по бумагам
липкой нестирающейся слизью. После этого случая
Дурнев рухнул в кресло и долго сидел в нём, потея
и отбивая зубами мелкую дробь.

— Двадцать пять... двадцать шесть... я совсем не
нервничаю... Чего ты на меня уставился? Марш рабо-
тать! Разве я не просил вывести мне прайс на старые
зубные щётки?! — заорал он на робко заглянувшего
сотрудника.

Несчастный сотрудник скользнул в свой крошечный
кабинетик, где пахло съеденными молью свитерами
и изношенными джинсами, и, рухнув на стул, едва не
умер от ужаса.

Нечего и объяснять, что к вечеру Дурнев был со-
всем на взводе.

— Налей мне чего-нибудь выпить... Вот увидишь, в ближайшее время произойдёт нечто скверное! — простонал он, едва оказавшись дома.

В отличие от офиса, буквально забитого уценённым барахлом и ношенными вещами от пола до потолка, в доме у самого Дурнева всё было совершенно новое.

Жена Германа Никитича Нинель была настолько же толстой, насколько её супруг был худ. Когда она спала, то её смявшиеся щёки расплзались по подушке, а тело, накрытое одеялом, походило на снежную гору, с которой можно было съезжать на лыжах.

— Ах, Германчик, ты всё выдумываешь! Не переживай так! Ты весь зелёнький, как новогодняя ёлка! Дай-ка я поцелую тебя в щёчку! — проворковала Нинель сочным басом, ободряюще похлопывая мужа по щедедушной спине унизанной кольцами рукой.

— Тьфу! Брось эти нежности! — буркнул Герман Никитич. Однако его скверное настроение немного рассеялось, перескочив с номера сто семнадцать на шестьдесят шестой, а потом и на пятидесятый.

После ужина Дурнев повеселел настолько, что у него появилось желание пообщаться со своей годовалой дочерью. Пенелопа, или Пипа, как нежно звали её родители, унаследовала от мамы сдвинутые бровки и фигурку чемоданчиком, а от папы — глазки в кучку, оттопыривающиеся уши и редкие белёсые волосы. Разумеется, Дурневы души в ней не чаяли и считали свою Пипу первой красавицей в мире.

Наследница рода Дурневых сидела в манеже и сосредоточенно разламывала куклу. Три обезглавленных

пупса уже валялись на полу, а их головы были насажены на украшавшие манеж штырьки от погремушек.

— Какая умничка! Директором будет, как папуля! — умилился Дурнев.

Он наклонился над манежем и сделал попытку поцеловать Пипу в макушку. Дочь правой рукой ухватила папу за волосы, а левой с зажатой в ней пластмассовой лопатой стала перепиливать папе шею, явно собираясь сотворить с ним то же самое, что и с куклами.

— Лапочка! Чудный ребёнок! — пропыхтел папуля.

Он с трудом высвободил свои волосы и на всякий случай отошёл подальше от манежа, где до него было не достать и не доплюнуть. Пипа с силой метнула лопату ему вслед, но попала всего лишь в вазочку на телевизоре, немедленно с величайшей готовностью брызнувшую осколками.

— Ой, какая сильная у нас дочурка! Какая меткая! — восторженно взвизгнула Нинель.

— Осторожно... Она снимает ботинок! — предупредил Дурнев, на всякий случай закрывая голову руками, чтобы увернуться от этого довольно тяжёлого снаряда.

В этот миг в квартиру вдруг позвонили. Звонок, обычно ехидно пищавший, издал теперь громкую, почти торжествующую трель. Дурнев и его супруга разом вздрогнули.

— Ты кого-нибудь ждёшь, крысик? — спросила Нинель.

— Нет, никого. А ты?

— И я никого... — ответила Нинель, вслед за Германом пробираясь к глазку.